

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ЗДОРОВЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК МУЛЯЖ

Аннотация. Сознание «нормального человека», согласно психиатрической экспертизе, свободно от иллюзий и галлюцинаций. Только при этих условиях человек обращает мало внимания на внутренние жизненные процессы, его внешние впечатления всегда отчетливы, его сознание наполнено картиной внешнего мира, а не деятельностью собственного организма.

Ключевые слова: филология, психология, литература, здоровье, человек, психиатрия, рассудок, образ, воображение, душа.

В конце XIX в. огромную популярность в Европе имел Франц Нордау. Врач по образованию, ученик Ч. Ломброзо он углядел-таки за «Закатом Европы» не просто угасание выполнившей свою миссию европейской культуры. Он поставил психиатрический диагноз кумирам своей эпохи — Ф. Ницше, Л. Толстому, О. Уайльду, прерафаэлитам и другим гениям. Он, впрочем, не только дал острую, занимательную и парадоксальную оценку творчеству этих «мастеров культуры». Нордау усомнился в их психическом здоровье. Более того, он пришел к выводу, что речь может идти не только о психопатических расстройствах ряда виднейших мыслителей и писателей. Правильнее, с его точки зрения, описать общий процесс вырождения, поразивший Европу. Так и называется книга «Вырождение»¹.

Итак, век назад легионы психиатров обосновали вариант психологического здоровья человека. Вот этот идеал: здоровый человек обладает разумом, которым он не должен злоупотреблять. Его мышление всегда логично, не дает сбоев. Оно застраховано от глубокого и полного помрачения рассудка. Эту мысль можно выразить стихами Евгения Баратынского:

*Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?*

Непроизвольная работа второстепенных центров играет ничтожную роль наряду с сознательной деятель-

ностью главных центров. Его эгоизм не превышает меры, необходимой для сохранения его индивидуальности, а вся его деятельность и его мышление обуславливаются знанием как природы, так и ближнего и желанием не нарушать его интересов. Таков здоровый человек»².

«Здоровый человек», разумеется, испытывает эмоциональные переживания. Но эти чувства тоже не могут быть хаотичными, бесконтрольными. Их можно уподобить музыке. «Мелодия соответствует в музыке тому, что в речи называется предложением вполне законченным, ясно выражающим мысль, логически построенным. Когда человек предается мечтам, когда в голове его носятся только незрелые, туманные мысли, и речь его будет иметь соответственный характер; равным образом и неясное душевное волнение, беспорядочное, спутанное, не может привести к мелодии. И душевное волнение бывает более или менее ясно, представляет хаотическое или определенное состояние чувств. Когда оно ясно, то создает ярко освещенный вниманием образ; когда же оно туманно, то представляется сознанию в виде тревожной загадки, общего возбуждения, как бы подземного гула и грохота с неизвестной причиной и неизвестными последствиями»³.

Мне порой чудится, что я в очередной раз прочитываю злостный и хорошо продуманный шарж на человека. Однако идеал «здоровья» прописывается с такой тщательностью, что нельзя оставить его без внимания, поскольку речь идет о позиции, которая за истекшее столетие обрела еще большую рельефность.

² Нордау М. Вырождение. М., 1995. С. 178.

³ Там же. С. 144.

¹ Нордау Макс. Вырождение. М., 1995.

Итак, у «здорового человека» мысли скоординированы с эмоциями, все дозировано, подвергнуто санитарной обработке и представлено в виде своеобразного муляжа. Но про такого человека писал разве что М.Е. Салтыков-Щедрин. Помните про вяленую воблушку? Не стало у Воблушки ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совести с тех как у нее все лишнее выветрило, вычистили и вывялили.

Мы-то знаем другого человека, про которого можно сказать: «в уме, подавленном тоской, теснится тяжких душ избыток» (Пушкин), который велик в любви и злобе (Лермонтов), того, кому «душу странное измучило виденье» (Верлен). Древние греки знали, что человеческая субъективность включает в себя разум, волю и эмоции. Но они учли, что эти слагаемые внутреннего мира человека вовсе не находятся в состоянии изысканной гармонии. Напротив, «специфически человеческое» обнаруживается именно в противостоянии мысли и эмоции, намерения и бездействия, страсти и покоя, воображения и подножности. Древнегреческие трагедии отразили эту мощную драматургию различных состояний человека. Но эллинам не приходило в голову зачислить в психопатки, скажем, поэтессу Сапфо за то, что она отразила сильные, болезненные эмоции:

*Язык мой немеет, в крови моей пышут,
Бегучими искрами струйки огня,
В глазах лишь потемки, и уши не слышат,
Несмолчным прибором звеня.*

А ведь описанное душевное состояние полностью укладывается в клиническую картину: «в глазах лишь потемки», «язык мой немеет», в крови пышут струйки огня.

По лекалам психиатров можно зачислить в психопаты кого угодно. Но вот для примера еще раз Николай Заболоцкий. Он посвятил любимой безмерно поэтичные строчки. Но само стихотворение предельно сюрреалистично, это хаотичное движение отдельных мазков, ярких образов, которые, скорее всего, выражают сумятицу души поэта.

*Очарована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!
Ни веселая, ни печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.*

*Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.
Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.
Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?*

Попробуйте, сообразно поэтическим строчкам, представить образ любимой поэта, руководствуясь психиатрическими мерками. Что вы получите в сухом остатке: «лицо полуночное», «брови восточные», «очи тяжелые», «руки полуголые»? Вот, собственно, и все. Маловато даже для составления робота, а уж для поэтической фантазии и того меньше. Правда, есть еще зарисовки душевного мира, но они почему-то предельно сумбурны. Любимая обвенчана с ветром, но при этом «словно в оковы закована». А какие оковы для обвенчанной с ветром? Можно ли соединить в нашем воображении, что любимая женщина поэта и «песнь обручальная» и «звезда сумасшедшая»? Да и само свидание описано как-то беспорядочно. Поэт с неистовой силой обнял колени возлюбленной, читал ей стихи и плакал. А, может быть, наоборот, сначала пытался растрогать ее слезами, а потом уже обжечь стихотворениями. Похоже, любимая тоже растрогалась: «отчего же ты плачешь, красавица?». Но поэт сразу постарался дистанцироваться: «или мне это только чудится?»

Так почему же это душевное волнение захватывает читателей? Хочется положить его на музыку. Знаю, знаю, это уже случилось. Отчего беспорядочные, спутанные образы заставляют верить в эту «драгоценную женщину»? А может быть, даже внимательно приглядеться и к собственной пассивности. В самом деле, что там у нее было с ветром в поле? И как это, черт побери, удалось ей сойти с черного неба в виде сумасшедшей звезды? Про полуголые руки лучше вообще умолчу... Хорошо, что Нордау своевременно предупредил о возможных последствиях. Игорь Губерман тоже засвидетельствовал:

*Когда тепло, и тьма, и море,
и под рукой — крутая талия,
то с неизбежностью и вскоре
должно случиться и так далее.*